
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Л. С. ПЕРЕПЕЛКИН

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Исходные предпосылки социально-эволюционного исследования включают: рост численности населения мира; деление человечества на группы; заселение людьми всей сухопутной поверхности планеты; последовательный рост знания как базовой части культуры. Выделяется особая единица воспроизводства и развития – социально-культурная целостность – и ее исторические типы.

Ключевые слова: агрессия, взаимопомощь, воспроизводство, знание, популяция, социальная эволюция (развитие), социально-культурная целостность, социальные границы.

В европейской традиции первые светские эволюционные концепции принадлежат, вероятно, итальянскому философу Дж. Вико и немецкому мыслителю И. Гердеру, а также Г. В. Ф. Гегелю. Идеи социального эволюционизма в европейской науке нашли наиболее полное выражение в марксистской историософии. Концепция К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей претендовала на охват всей человеческой истории и была ориентирована на то, чтобы прогнозировать и более того – «форматировать» будущее. При всех интеллектуальных достижениях классического марксизма он содержит концептуальные ограничения, затрудняющие изучение социальной эволюции.

Эта концепция европоцентрична, она восходит к греческому, геродотовскому эллиоцентризму (см., например: Саид 2006, где справедливо отмечается искусственность деления «Восток – Запад»). Отсюда марксистский телеологизм и, как следствие, однонаправленность исторического процесса, постулирование некоего тупикового «восточного пути развития», или «азиатского способа производства»¹.

¹ На склоне лет К. Маркс и Ф. Энгельс заинтересовались русской (и не только) общиной, вероятно, ощущая неполноту своего подхода.

Современная наука вернулась к проблемам социальной эволюции, используя широкий спектр знаний, полученных на протяжении XX века (Капица 1999; 2009; Турчин 2007; Назаретян 2008; 2013; Гринин и др. 2009). Понятие «эволюция» здесь и далее понимается нами в «спенсеровском» смысле, современную спецификацию которого предложила Э. А. Орлова на круглом столе «Проблемы эволюции культуры» 14 октября 2009 года в ИВИ РАН: *движение от синкретической простоты к организованной сложности*. При этом она полагает, что эволюционны только те процессы, у истока которых можно выделить *герм (монаду, целостность)*.

Векторы социальной эволюции

На мой взгляд, первый шаг в изучении социальной эволюции вполне определен: нужно рассмотреть объективные, не зависящие от наблюдателя и интерпретатора тенденции, которые пронизывают всю историю человечества. А. П. Назаретян (2013) обозначил их как *векторы*.

1. Одна из таких тенденций – постоянный рост численности *Homo sapiens* и предшествовавших ему представителей рода *Homo*. Человечество – один из самых успешных биологических видов на Земле. Его численность на пять порядков превышает численность любых диких видов, соразмерных с человеком по массе тела и сходных по диете. «Конкурировать с нами по численности могут только одомашненные животные – коровы, куры и овцы, а также комменсалы: воробьи и крысы» (Ридли 2008: 39; о росте численности человечества см.: Капица 1999; 2009; Назаретян 2013). *Абсолютный рост численности человечества*, принявший гиперболический характер, – одно из важнейших проявлений социальной эволюции. Предполагается, что рост численности человечества стабилизируется где-то на уровне 10 млрд. Далее, возможно, абсолютная численность будет снижаться, и через какое-то время гипербола в демографической динамике станет похожа на кривую нормального распределения.

2. Человечество всегда разделялось на группы, причем *численный рост этих объединений* на каждом этапе развития – еще один важный критерий социальной эволюции. На Земле всегда сосуществовали группы, различавшиеся по численности и форме организации. Исходным «материалом» для дальнейшей социальной эво-

людии были весьма немногочисленные группы – семьи, общины порядка 100 человек в каждой². В рамках этих групп на биологических основаниях, или на базе «материнской системы», формировались первые социальные институты.

Российский исследователь В. М. Пашинский изучал численность различных сообществ, обществ и групп на разных исторических этапах. Вот один из его выводов: «...этнографы и историки изучают первобытную общину, родовую общину, соседскую общину, сельскую общину, явление средневекового коммунизма и т. д., но с точки зрения идеально-типического метода это лишь различные формы одной и той же системы прямых личных коммуникаций между отдельными индивидами. <...> Размеры круга прямых коммуникаций... зрелого индивида составляют примерно 100 человек и не зависят от конкретных форм человеческой жизнедеятельности» (Пашинский 2011: 7).

К сходному выводу пришли этологи. Так, Л. Млодинов (2012: 143–144), ссылаясь на работу Р. Хилла и Р. Дунбара, пишет: «Ученые, рассматривающие человеческие группы, являющиеся когнитивным эквивалентом... кланов у австралийских аборигенов или женских сообществ по уходу за волосами среди бушменов, или групп людей, которым мы шлем поздравительные открытки, – обнаружили, что человеческая группа состоит из примерно 150 участников...»

Отсюда – так называемое *число Дунбара*: «Когнитивные способности человека ограничены 150 социальными связями, то есть каждый из нас может поддерживать стабильный контакт со 150 людьми. <...> Оказалось, что деревни времен неолита вмещали 150 жителей, столько же человек традиционно вплоть до XVI века было в римских военных частях. Число 150 поражает еще и тем, что почти соответствует усредненному количеству друзей у каждого из 500 миллионов пользователей *Facebook* (средняя «дружеская» статистика по социальной сети – 130 человек)» (Штайншаден 2011: 75–76).

Речь, впрочем, идет не о числовой мистике, а о том, что, во-первых, некоторые социальные формы имеют этологические корни, во-вторых, они связаны с когнитивными возможностями чело-

² Предполагается, что 1,5 млн. лет назад в Южной и Восточной Африке численность *Homo habilis* составляла 100 тыс. особей, разделенных на общины-семьи по 100 человек в каждой (Капица 2009).

века, и в-третьих, исходные социальные формы могут иметь свои вторичные выражения. Кстати, сказанное остро ставит вопрос о причинах роста численности человеческих групп.

3. Человечество – единственный биологический вид, *заселивший все пригодные для жизни континенты и экологические ниши суши*. Подобное удалось еще только трем видам пернатых, но и те привязаны лишь к определенным местам обитания (Ридли 2008). Более того, очень широкий ареал расселения был свойствен и нашим далеким предкам – архантропам и палеоантропам, которые жили в Африке, Европе и Азии (Зубов 2012; 2011)³.

Одной из важнейших причин широкого расселения стал тот факт, что в трофической (пищевой) пирамиде человек занимает высшее положение. Это стало возможным в связи со «способом переработки информационного ресурса в пищевой» (Переслегин 2007: 466). Человек как сверххищник истреблял свою пищевую базу и переселялся далее. Например, экологи установили, что в Красном море крупные моллюски *Tridacna costata*, широко распространенные в других регионах, были почти полностью истреблены еще 125 тыс. лет назад, когда гоминиды выходили из Африки «на широкий оперативный простор» (Ваганов 2008: 13).

Кроме того, важным стимулом для столь масштабного расселения стали возникновение социальных границ (ситуации «мы – они») и сопутствующая им внутривидовая агрессия (Шипилов 2008; Млодинов 2012; Назаретян 2008; 2013). Интересны и примеры внутривидовой агрессии, выходящей за рамки нашего биологического вида: скажем, стадо шимпанзе, регулярно наблюдавшееся и *искусственно подкармливавшееся*, вдруг в 1971 году разделилось на две группы, одна из которых уничтожила другую (Плюснин 1990).

Биохимические и нейропсихологические истоки агрессии сегодня подробно изучены (Ридли 2008), но агрессивное поведение может контролироваться в рамках института социальных границ, направляющего агрессию вовне группы и концентрирующего *взаимопомощь* внутри нее. Одним из первых, кто сформулировал во-

³ Межконтинентальные миграции имеют древнюю историю. Так, в Грузии в местечке Дманиси обнаружено поселение хабилисов. Соответствующие орудия найдены на острове Сокотра в Красном море. Одним из важных факторов миграции была межгрупповая агрессия. Косвенно на это указывает и то, что миграции были характерны для всех представителей рода *Ното*, а также весьма раннее появление человека современного вида в Австралии (более 40 тыс. лет назад).

прос о взаимопомощи, был П. Кропоткин (2007; см. также Млодинов 2012). В случае манифестации агрессивного поведения люди просто разбежались, но когда вся планета оказалась заселенной, стала востребована иная модель межгрупповых отношений.

4. С этим связана еще одна закономерность социальной эволюции – *последовательный рост знания*⁴. Под знанием я понимаю центральную, «ядерную» часть культуры, *систему символов, составляющую целостный «образ мира» и позволяющую ориентироваться в мире и осуществлять рациональные, т. е. имеющие запланированный результат, действия*. Эмпирическими показателями роста знания можно считать: а) увеличение словаря (тезауруса); б) рост доли людей, занимающихся не физическим трудом, а переработкой информации; в) рост длительности обучения молодежи; г) рост энергообеспеченности и энергопотребления, это, я считаю, важнейшее проявление роста знания. Впрочем, последнее – отдельный вектор социальной эволюции.

Очевидно, все эти общие показатели социальной эволюции тесно связаны. Так, рост знания предполагает рост численности группы, которая это знание аккумулирует, а с ним и общей численности человечества. Освоение новых экологических ниш автоматически ведет к разнообразию культур, а следовательно, аккумуляции нового знания. Это традиционный сюжет эволюционной антропологии: «Изобретения и открытия образуют непрерывный ряд по пути человеческого прогресса и отмечают его последовательные стадии; между тем общественные и гражданские учреждения, связанные с извечными человеческими потребностями, развивались из немногих начальных зародышей мысли» (Морган 1934: 3).

Два типа теоретической рефлексии по поводу социальной эволюции

Ранее отмечены *внешние* и совершенно бесспорные показатели (векторы) эволюции человечества. Но эволюцию любого объекта можно описывать как минимум двумя способами: фиксируя типологию и абстрагируясь от разнообразия (*стадии развития*), и наоборот, уделяя основное внимание разнообразию (*эволюционное*

⁴ Здесь говорится о так называемом «теоретическом знании», которое может передаваться при помощи слов. Но знание имеет более сложную структуру, и среди своеобразных его форм выделяется так называемое личностное знание, которое приобретает и передается только в результате научения. Этот тип знания играл определенную роль в социальной эволюции (Перепелкин 2012).

древо). В биологии используются оба подхода. В одном случае говорится об усложнении структуры организмов, в другом акцент делается на эволюционном древе. Вот его человеческая «веточка»: царство животных, тип хордовых, класс млекопитающих, отряд приматов, семейство гоминидов, род *Homo*, вид – неантропы (*Homo sapiens sapiens*).

Первый подход больше связан с процессами интеграции, а второй – с процессами дифференциации (Марков 2012). Несомненно, в социальной эволюции интеграционные процессы играли столь же важную роль: достаточно приглядеться к современным тенденциям создания региональных интеграционных систем. Классическая эволюционная биология построена на представлении о механизмах видообразования, т. е. дифференциации. Стабильные человеческие сообщества строятся на базе социальных границ, отделяющих одно общество от другого (Перепелкин 1999; 2011). О том, что интеграция и дифференциация – две стороны одной медали и все в мире можно описать в терминах разделения/соединения, знали еще древнегреческие философы. В данной работе выделен преимущественно первый подход.

Социально-культурные целостности

В известных мне концепциях социальной эволюции совершенно не освещенным остается вопрос о том, каковы *единицы* этого процесса, что, собственно, развивается. Ответ «развиваются общества» не устраивает автора этой статьи по ряду причин. Во-первых, понятие «общество» имеет предельно обобщенный характер: под ним понимаются различные типы социальных групп. Во-вторых, понятие «развитие» тоже многогранно. Обычно оно трактуется как «усложнение общества», т. е. увеличение структурных элементов системы и/или связей между этими элементами. Но в этом, самом общем, виде вопрос остается открытым, ибо *общие закономерности системного характера не объясняют причин, а выступают лишь как удобные аналитические или прогностические модели*. Для выявления «единицы социального развития» разумно воспользоваться аналогиями из других дисциплин, в которых эволюционный взгляд на мир подтверждается возможностями его эмпирического анализа. Традиционно для социологии и этнологии в этом качестве выступает биология.

В биологии единицей эволюционного процесса считается *популяция* – совокупность особей одного вида, на протяжении длитель-

ного времени населяющих определенную территорию (популяционный ареал), связанных происхождением и скрещиванием и *формирующих свою экологическую нишу*. Обычно минимальной для воспроизводства популяции считается численность не менее 200 особей. *Качественным* этапом в эволюционном процессе на популяционном уровне является формирование нового *вида*. Критерием вида считают биологическое единство и отсутствие скрещивания с близкородственными видами. Если же такое скрещивание происходит и формируются гибридные пограничные группы, они не нарушают видового единства. Виды, таким образом, являются не генетически закрытыми, а *генетически устойчивыми системами*⁵. Одним из важнейших следствий возникновения нового вида может быть *ароморфоз*, качественное эволюционное изменение, повышающее уровень организации популяции и позволяющее увеличивать интенсивность жизнедеятельности (Левитина, Левитин 2002). Это понятие нередко используется в исследовании социальной эволюции (Гринин и др. 2009).

Если признать эту аналогию, то *единицей социальной эволюции можно считать социальную группу, единую по выделенным (принятым) критериям, в которой различные внутренние связи доминируют над внешними, которая имеет и формирует свой ареал расселения (территориальную нишу), свои границы и собственный вариант будущего*. Развивая данное выше определение, *социальной эволюцией можно признать процесс усложнения и/или оптимизации структуры группы, сопровождающийся интенсификацией жизнедеятельности и/или ее гармонизацией*. По существу, социальная эволюция – это формирование нового *этапа* социальной организации.

Известная мне терминология не содержит общесоциологического понятия, которое можно было бы считать аналогом «популяции». Рассмотрим два из них – «социальный организм» и «социальная система». Первое понятие разработано в социологии Г. Спенсером (1999), а наибольший вклад в разработку понятия «социальная система» внес Т. Парсонс (1997; 2002). Оба понятия в трактовках этих авторов имеют массу родственных черт. Они отталкиваются от такой неопределенной категории, как «общество», говорят о самоорганизации людей в «социальный организм»/«со-

⁵ К примеру, домашние собаки и дикие волки считаются двумя разными видами, хотя при скрещивании дают вполне плодовитое потомство.

циальную систему» в результате деятельности, направленной на удовлетворение потребностей. У обоих есть представление об эмерджентном (неаддитивном) характере общества (Спенсер выражает это через отрицание, когда пишет о различиях между социальными и биологическими организмами). Парсонс указывает на роль символов, которые опосредуют человеческую деятельность. И все-таки оба понятия не могут служить аналогиями биологической популяции как единицы эволюции.

Социальная система в модели Парсонса не может служить такой аналогией еще и по той причине, что, с его точки зрения, общество – это система *самодостаточная* относительно природной среды обитания. Кроме того, представление о социальной системе у него несколько размыто, так как он рассматривает в первую очередь систему социального действия (Парсонс 1997). Замечание о самодостаточности относительно среды существенно – оно прокладывает путь к понятию *социальные границы*. На мой взгляд, применительно к социальной эволюции необходимо ввести новый термин, описывающий элементарную единицу этого процесса. Я предлагаю понятие *социально-культурная целостность (СКЦ)* – сложная неравновесная открытая система.

Заметный вклад в разработку понятия «целостность» внес немецкий социолог Ф. Тённис, определивший целостность через «единство»: «...все является единством, поскольку представляет собой нечто целое». По его мнению, в отношениях взаимодействия элементы «сами обнаруживают и конституируют форму и единство того целого, к которому они принадлежат»; это явно перекликается с идеями Парсонса. Целостности, будучи элементами более высокого единства, выражают его идею «как свою совместную волю». В результате получается, что «*всякое целое является целью для самого себя*» (Тённис 2002: 259–261; выделено мной. – Л. П.). Учитывая сказанное, возможно описать *социально-культурные целостности в их идеально-типической форме* через следующие параметры.

СКЦ обладает качеством *эмерджентности*, т. е. *неаддитивности*. Это качество в меньшей мере относится к собственно биологической популяции, чем к ее животным составляющим: прайдам, стадам, стаям и т. д. Биологическая популяция является скорее «совокупностью» и, возможно, даже «единством», чем «целостностью». Феномен эмерджентности в рамках СКЦ наиболее ярко заметен в проявлениях *власти*, представляющей собой *управление кооперативным эффектом*.

Если пользоваться биологическими аналогиями, СКЦ сочетает в себе характеристики субпопуляционных единиц (стадо, стая; эти характеристики проявляются во внутренней сплоченности), популяции (демографические барьеры, единица эволюции) и вида. Наличие достаточно жестких культурных границ между социальными группами позволило К. Лоренцу (1998) охарактеризовать их (в контексте *внутривидовой агрессии*) как *квазивиды*, или *псевдовиды*. Типичным признаком «псевдовидового» характера СКЦ служат распространенные в первобытных племенах факты каннибализма по отношению к иноплеменникам (Каневский 1998; Энгельгардт 2006), считавшимся *нелюдями*⁶.

Социальные границы

Как и популяция, СКЦ имеет собственные границы, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как *потребность людей увидеть различия между «своим» и «чужим»*, т. е. потребность в самоидентификации. Наиболее весомый вклад в исследование этого вопроса внесли американец Л. Козер, швед Ф. Барт, англичанин Б. Андерсон и немец Б. Вальденфельс.

Козер (2000), трактуя социальные границы в контексте конфликтологии Г. Зиммеля, показал, что конфликт служит установлению и поддержанию границ, сохранению групповой идентичности, предотвращает размывание границ между группами. По Барту (2006: 10), границы сохраняются, несмотря на то, что их постоянно нарушают, т. е. социальные группы поддерживаются «процессами исключения и включения, посредством которых дифференциальные признаки продолжают сохраняться» (аналогия с видовыми «генетически устойчивыми» системами). Вместе с тем именно благодаря дихотомическим социальным взаимоотношениям и этническим различиям устанавливаются долговременные жизненные проекции, лежащие в фундаменте социальных систем.

Андерсон подробно описал практическое конструирование таких отвлеченных социальных категорий, как «нация» и «национальное государство», на основе гипостазирования, т. е. придания общим понятиям онтологического смысла. Он пишет: «...все со-

⁶ Не менее важным маркером квазивидового характера межгрупповых отношений может служить проведение опытов над живыми людьми без их согласия. В XX веке подобное отношение к людям других национальностей было характерно для нацистской Германии и императорской Японии в годы Второй мировой войны. Представление о людях как подопытных кроликах мало чем отличается от представления о «длинных свиньях», как некоторые меланезийцы-каннибалы называли своих пленников, предназначенных для трапезы.

общества крупнее первобытных деревень (а может быть, даже и они), – воображаемые» (Андерсон 2001: 31)⁷. Таким образом, *представление* о социальных границах формирует эти границы.

Вальденфельс подошел к «мотиву чужого» с философских позиций. По его мнению, отношение к другим «является, скорее, врожденным образом действия». Он рассматривал этот вопрос через призму «порядков» и «границ»: их «невозможно бесконечно расширять вплоть до всеохватывающего космоса или всеохватывающей мировой истории». А поэтому «в условиях ограниченных порядков чужое дает о себе знать в форме внепорядкового» (Вальденфельс 1999: 123–124). По-видимому, у людей есть врожденная склонность к определенному «социальному порядку», идеалом которого представляется порядок собственной социально-культурной целостности: ее границы не могут расширяться беспредельно. Наличие «чужого» увеличивает упорядоченность собственной группы.

К проблеме социальных границ можно подойти и с информационной точки зрения. Бинарные оппозиции типа «мы – они», распространяющиеся по каналу коммуникаций, представляют минимум (1 бит) информации. Соответственно подобные сообщения содержат минимум энтропии и максимум упорядоченности, т. е. организованности социальной системы (ср.: Пирс 1967). Бинарная оппозиция, таким образом, представляет собой *общий алгоритм социальной жизни, позволяющий при минимуме интеллектуально-психических затрат достигнуть максимальной стабильности СКЦ* (Перепелкин 1999).

Социальная граница – один из важнейших *первичных социальных институтов*. По мере демографического роста и увеличения типологической сложности СКЦ границы становятся менее жесткими. Основываясь на идеях Барта и его последователей, можно предположить, что возникновение новых границ и СКЦ происходит в режиме *положительной обратной связи* в цепочке «латентная группа – латентный конфликт – латентные границы – реальная группа – реальный конфликт – реальные границы». Латентная стадия не только возможна, но и необходима из-за открытого характера СКЦ, предполагающего возможность получать, накапливать и распределять ресурсы и идеи, а также обмениваться ими (Там же).

⁷ В оригинале речь идет не о «воображаемых», а о «воображенных» (*imagined*) сообществах, что резко меняет модальность рассуждений. Имеются в виду не границы, существующие лишь в сознании, а границы, возникшие под влиянием сознания.

Суть социальной границы – в *наличии барьеров между СКЦ*. В первую очередь можно говорить о *брачных барьерах*, что характерно как для популяции, так и для биологического вида (о брачных границах между народами СССР см.: Сусоколов 1987; Мчедлов 2001)⁸. В связи с открытым характером СКЦ брачные границы не могут быть абсолютными. Кроме того, во многих обществах есть внутренние брачные барьеры, например индийские касты или средневековые сословия. Говоря о брачных барьерах применительно к СКЦ, я имею в виду, что доля браков, заключенных в рамках данного общества, значительно превышает долю трансграничных браков. Полная генетическая открытость СКЦ вела бы к ассимиляции, полная генетическая закрытость – к вырождению.

К показателям и маркерам социальных границ относятся границы пространственные, территориальные, в том числе и межгосударственные (о межэтнических территориальных границах см.: Кушнер [Кнышев] 1951). Социально-культурная целостность обычно имеет свое *имя*, конечно, в том случае, если она контактирует с другими СКЦ. Характерно, что самоназвание многих народов, в первую очередь традиционных, переводится как «люди», «настоящие люди», «люди этой земли», что коррелирует с квазивидовым характером СКЦ. Язык, религия, другие элементы культуры, а также расовые признаки зачастую выступают важными *маркерами* социальных границ. В психологическом плане социальные границы фиксируются такими понятиями, как «идентичность», «этноцентризм», «ксенофобия», «национализм», «шовинизм», «расизм», «культурная дистанция» и т. д. Повторю, что ситуация «социальные границы на замке» встречается редко. Как и в случае с биологическим видом, социальные границы делают СКЦ *не закрытыми, а устойчивыми* системами.

Природная ниша как интегральная часть СКЦ

Считается, что для любой человеческой группы занимаемая ею экологическая ниша является фактором чисто средовым. С этим можно согласиться лишь для периода, который предшествовал

⁸ Говоря о брачных границах, я имею в виду не столько «запрет» на обмен генами. Гораздо важнее «генетического обмена» «обмен идентификациями»: в том случае, если потомки межгрупповых браков будут принимать только одну идентичность, это будет означать процесс ассимиляции. Еще более редкими, чем межэтнические, выступают межконфессиональные браки. Но здесь говорится о границах *внутри* СКЦ – Российского государства. Браки между гражданами разных стран заключаются гораздо реже.

полному освоению человечеством сухопутной поверхности планеты. Кочевой образ жизни, постоянное переселение «без руля и без ветрил» вообще не свойственны животному миру, а человеку тем более. Даже те группы, которые мы называем сейчас кочевниками, движутся по своей ограниченной территории (Андрианов 1985). Миграции крупных масс людей в исторические времена – случай особый, хотя можно сказать, что и эти миграции происходили, как правило, в сходных климатических условиях. Интересные примеры миграции скандинавов в этом контексте приведены Дж. Даймондом (2008: 235–379). Но после освоения поверхности планеты взаимодействие экологической ниши и социальной группы приобрело самодовлеющий характер. Поэтому *освоенную территорию можно считать частью СКЦ.*

Взаимодействие социума с природной средой проживания внимательно исследуется социологами с начала прошлого века (Ратцель 1901). Кажется, наиболее остро этот вопрос был поставлен американской школой экологической антропологии (Аверкиева 1979). Л. Уайт-мл. писал по этому поводу, что «все виды меняют среду своего обитания... И человек, как только расселился на Земле, тоже стал сильно влиять на свое окружение» (Уайт 1990: 188). Впрочем, эта школа рассматривает влияние человека на собственную экологическую нишу исключительно в разрушительном аспекте. Здесь прослеживаются истоки работы Римского клуба (Медоуз и др. 1991). Между тем это влияние отнюдь не одностороннее, а взаимное. Природная среда провоцирует адаптивные процессы в человеческих популяциях, т. е. изменения в геноме (Алексеева 1986), через процессы адаптации формирует этническую культуру и, соответственно, новые элементы знания.

Ряд научных направлений фиксирует тесное взаимовлияние группы и природной среды обитания. Так, «этноэкология стремится рассматривать этнос, его культуру, производственную деятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, т. е. *представить их в виде сложной развивающейся системы*» (Крупник 1989: 13; курсив мой. – Л. П.). Правда, подобные исследования чаще всего обращены к группам, занимающим уникальные природные ниши и ведущим традиционный тип хозяйства.

Если не вступать в дискуссию с Л. Н. Гумилевым относительно деталей, то можно увидеть близость наших позиций в рассматриваемом вопросе. Это вытекает, например, из следующего его высказывания: «...этнос не биологическое явление, так же как и не

социальное... Предлагаю этнос считать явлением географическим, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы» (Гумилев 1990: 17; курсив мой. – Л. П.). Эти идеи развиваются в рамках нового научного направления, основанного Э. С. Кульпиным-Губайдуллиным (2008), – социоестественной истории.

Воспроизводство (межпоколенная передача) целостной системы связей и отношений

Я понимаю процесс воспроизводства несколько иначе, чем было принято в советской историографии («воспроизводство общественных отношений»). «Воспроизведенное» общество с присущей ему системой отношений не может быть точной копией той «матрицы», с которой «считывался» этот «текст». Ведь точно так же последующее поколение не может быть точной биологической копией своих родителей, так как «человечество накапливает примерно 100 новых мутаций за одно поколение» (Ридли 2008: 15).

В данном случае о социальном воспроизводстве можно говорить как о *сохранении во времени ядра той системы связей и отношений* (т. е. того объема знания), *которые на данном историческом этапе обеспечивают устойчивость и внутреннюю гармонию СКЦ, поддерживают ее «цель» – самосохранение и бесконечное продолжение во времени.* Характерно, что воспроизводство в этом смысле отнюдь не страхует СКЦ от коллапса, если «стратегия достижения цели» была избрана неверно. В последние годы на этот феномен активно ссылаются, учитывая, например, опыт социума о. Пасхи (Даймонд 2008; Дерлугьян 2009; Непомнящий 2005). В общетеоретическом плане эта проблема рассматривается в книге А. П. Назаретяна (2013).

Приведенные выше параметры есть *необходимая* характеристика СКЦ. Критерий эмерджентности указывает на *необходимость организации группы*, причем организации на таком уровне, что группа может иметь свою «цель». Критерий границ говорит о том, что *инновационные процессы первоначально протекают и адаптируются в рамках исключительно данной группы, которая выступает для них (процессов) в качестве экспериментальной.* Однако это возможно не всегда, так как многие негативные результаты принятой стратегии могут быть реализованы лишь в течение нескольких, а иногда и многих поколений. Примечательно высказы-

вание Даймонда (2008: 34) по поводу новейших социальных процессов: «Глобализация не дает современному обществу коллапсировать в одиночку... Любые беспорядки в обществе, сколь бы отдаленным оно ни было... причиняют неприятности преуспевающим обществам даже на других континентах, и в свою очередь это общество подвергается влиянию других стран, благотворному или дестабилизирующему. Впервые в истории мы сталкиваемся с риском глобальной катастрофы». Иными словами, *эксперимент* приобрел глобальный характер, что вполне объясняет рост в мире алармистских настроений. Я думаю, что это *важная основа для ожидания нового этапа социальной самоорганизации*. По существу, создавая некое, пока хоть и искусственное единство – человечество, – *мы отказываемся от проверенной эволюционной стратегии, зафиксированной в поговорке «не складывать все яйца в одну корзину»*.

При интеграции СКЦ и природно-экологической ниши творчество получает необходимые «лабораторные условия» – стабильно поддерживаемую ситуацию. Критерий воспроизводства СКЦ равнозначен *воспроизводимости опыта (знания) данной группы*. Много полезное из этого опыта может быть воспринято другими СКЦ, однако следует помнить и о том, что *заимствования* нередко несут с собой *разрушительный потенциал*.

Таким образом, здесь сформулирован некий аналог жизнедеятельности СКЦ: *цель – эксперимент – лабораторные условия – воспроизводимость опыта*. Уточним, что как СКЦ является моделью, так моделью можно считать и сформулированные принципы ее жизнедеятельности.

Процессы и механизмы социальной эволюции

Так как я рассматриваю СКЦ вместе с *вмещающим ландшафтом*, возникает ситуация, о которой писал один из основателей кибернетики У. Р. Эшби (1962: 91): «Системы, переменные которых влияют друг на друга посредством одной или нескольких замкнутых цепей, обладают... “обратной связью”». Выделяют системные процессы с *отрицательной* и *положительной* обратной связью. Как правило (но не всегда), обратная связь первого типа стабилизирует систему, а обратная связь второго типа лишает ее устойчивости (Новосельцев 1989). При этом положительная обратная связь считается механизмом саморазвития (Князева, Курдюмов 1994).

В этнологии, социологии, да и в обыденной практике принято говорить об «отсталых», «застойных» обществах, которые вынуждены «догонять» общества «передовые». Но вряд ли это так, если учитывать специфику процесса, направляющего общество к состоянию внутренней и внешней гармонии, т. е. к *гомеостазу*. Это состояние предполагает, что данная СКЦ перешла в другое *время жизни*. Это время не *историческое*, а *биологическое* или даже, возможно, *геологическое*. Иными словами, общества, перешедшие в состояние гомеостаза, включаются в тот ритм изменений, который может исчисляться тысячами, десятками тысяч лет или более продолжительными периодами⁹.

Для этого необходимы: гармонизация взаимоотношений со средой (антропогенное воздействие не должно препятствовать естественному восстановлению биоты); регулирование численности группы; гармоничность социальных институтов; хотя бы относительная изоляция от других сообществ. В первом случае речь идет о технологиях хозяйствования. Во втором – о социальных технологиях: например, войны, миграции, возраст вступления в брак, а также контрацепция или такие чудовищные по нынешним меркам, но характерные для традиционных обществ приемы демографической стабилизации, как инфантицид и геронтоцид. В третьем – о непротиворечивости внутреннего устройства социума, т. е. о достижении консенсуса по поводу базовых элементов жизнедеятельности. В четвертом – об эффективной работе института социальных границ (Даймонд 2008; Мид 1988).

Было бы смешно относиться к подобным социумам со снобизмом «горячих обществ». Ведь достижение гомеостаза – вековая мечта человечества. И в настоящее время она столь же актуальна, как и в прошлом. Вот определение «устойчивого развития», данное Международной комиссией по окружающей среде и развитию: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности. Концепция устойчивого развития действительно предполагает определенные ограничения в области эксплуатации природных ресурсов, но эти ограничения являются

⁹ Это отнюдь не значит, что в данных обществах вообще не происходит изменений. В тех случаях, когда эти общества не испытывают сильного давления извне, изменения носят скорее адаптивный характер.

не абсолютными, а относительными и связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также со способностями биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности» (Евтеев, Перелет 1989: 20).

Достичь гомеостаза весьма непросто, особенно если социальное окружение (другие СКЦ) развивается по стратегии ароморфозов. На мой взгляд, это группы «лузеров», которые постоянно вынуждены менять свой образ жизни и основные принципы взаимодействия со средой¹⁰. Многие подобные общества погибают. Такой кризис, например, сложился в регионе Ближнего Востока и Южной Европы при переходе от плейстоцена к голоцену. Решению проблемы способствовало развитие оседлого земледелия и скотоводства (Долуханов 1979; Переслегин 2007), которое повлекло за собой длинную цепь не всегда благоприятных изменений.

Судя по всему, по стратегии ароморфозов происходил и антропосоциогенез: изменения в анатомии и физиологии человека, его психической деятельности, репродуктивном поведении, организации группы, в развитии языка и целенаправленной деятельности взаимодействуют по принципу положительной обратной связи, т. е. по принципу взаимного усиления отдельных инновационных элементов. При этом исследователи указывают на очень узкую «воронку», через которую удалось пройти нашим предкам (Джохансон, Иди 1984; Ридли 2008).

Многие человеческие сообщества, развивающиеся по той же логике, показали удивительное единодушие при реакции на внешние/средовые вызовы. Так, независимо на многих континентах был совершен переход к производящему хозяйству, были созданы города как многоотраслевые поселения, концентрирующие все виды деятельности. В тех случаях, когда были одомашнены зерновые культуры (пшеница на Западе Евразии, рис – на Востоке, маис/кукуруза – в Америке), был совершен переход к новому типу СКЦ, основанному на профессионализации функции управления и других видов деятельности. Наконец, совершенно независимо в нескольких регионах возникла письменность. Хронологическая неравномерность этих процессов, возможно, объясняется тем, что Ближний Восток ближе всего к исходному центру расселения че-

¹⁰ Понятно, что перед сообществами вставала простая дилемма – или социальная эволюция, или вымирание. В этом смысле *социальная эволюция есть результирующее цепи неудач*.

ловечества по планете. Важно отметить, что *общества, образовавшиеся в результате ароморфозов, постоянно доминируют на планете, формулируя «повестку дня».*

Основные типы социально-культурных целостностей

Можно выделить четыре основные группы социально-культурных целостностей, взаимодействие которых во многом формирует современную глобальную ситуацию.

«Базовые» СКЦ, отражающие этапы социально-культурного развития человечества. Здесь будем условно различать несколько подтипов: СКЦ *общинного типа (ОСКЦ)*, которые, вероятно, доминировали в период расселения человечества по Земле; СКЦ *племенного типа (ПлСКЦ)*, которые, возможно, возникли из объединения (интеграции) различных общинных групп, ставших родами. Этим группам свойственны эндогамия племени и экзогамия рода. Характерно, что в основе следующего этапа социально-культурной эволюции во всех случаях, которые мне известны, лежат ПлСКЦ. Это, конечно, деталь, но она может определять *доминантную направленность социальной эволюции.* Многие выделенные модели общественной организации типа вождеств отражают варианты ПлСКЦ¹¹.

На основе ПлСКЦ возникает новый тип социально-культурной целостности, который удачнее всего можно было бы назвать *политическим (ПСКЦ)*. Его характеризует выделение власти (которая выше была названа *управлением кооперативным эффектом*) в профессиональный вид деятельности, или систему институтов. Речь идет о возникновении *государств*, которые, как известно, ассимилировали, «переварили» всю догосударственную периферию (о первых этапах этого процесса см.: Першиц, Хазанов 1978). Это одно из оснований, позволяющих считать данное направление социальной эволюции «базовым».

Политогенез в переходных стадиях всегда сталкивался с определенным «резонансным» эффектом – совпадением «колебаний»

¹¹ Исходя из того, что предложенная идея СКЦ имеет характер идеальной модели, в реальности выделить границы между ними можно лишь на основе развитых форм. Так, я включаю в состав ПлСКЦ и союзы племен, и вождества, хотя считаю их переходными формами к ранней государственности. Так, за одно поколение (при Чингисхане) монголы прошли путь от племен к государству (Хартог 2008) под воздействием соседних государственных образований. Кстати, я не знаю ни одного случая, когда государственность образовалась бы не на племенной основе, так что последовательность ПлСКЦ – ПСКЦ вполне реальна. Что касается моделей политогенеза, то их может быть множество. У монголов это была модель «царской охоты», в других случаях вторичной государственности – полюдьё и т. д.

социума и «колебаний» внешней для него среды. Если мы сейчас находимся в подобном «периоде турбулентности», а я в этом уверен, то мы можем быть свидетелями становления новой СКЦ, которую удобнее всего назвать *цивилизационной (ЦСКЦ)*¹². По существу, этот процесс имеет тетрадный характер: рост группы – рост объема знания – изменение в системе управления – возникновение новых социальных институтов. Как я предполагаю, ЦСКЦ будет развиваться в результате текущего и предстоящего кризисов на базе процессов региональной интеграции и антиглобализма.

Вторичные социально-культурные целостности

Этапы социального развития не исчезают в потоках эволюции, а встраиваются в социальный геном. Например, общинный способ организации социальной жизни вполне востребован в системе территориальных общин (Алаев 2000), организации любых небольших групп, занимающихся созиданием и творчеством¹³. Это имел в виду Тённис (2002: 9), когда писал об «общности» как о «группе, воспринимаемой как существо или вещь, действия которых едины в своей внутренней и внешней направленности», это «реальная и органическая жизнь»¹⁴.

Если ПЛСКЦ, по существу, включила в процесс воспроизводства экологическую нишу и за счет двустороннего влияния сформировала *тип культуры, адекватный условиям данной природной среды*, то эта задача реализуется и в таких *вторичных* СКЦ, которые в марксистской традиции называются *племя, народность, нация*. Две последние реализуются в рамках политической организации общества. Наконец, ПСКЦ, нынешние государства, скорее всего, в средневременной перспективе *станут элементами нового типа СКЦ – цивилизационного*. Отдаленный и не совсем удачный пример этой социальной тенденции представляет нынешний Евросоюз, хотя процесс его зарождения имел специфические причины. Интеграционные процессы развиваются и в Латинской Америке, и в Евразии, и в Арабском мире.

Процесс социальной эволюции вообще генерализирует случайности (т. е. история – это несущая конструкция эволюции), как и процесс эволюции биологической.

¹² Эта формулировка отражает скорее не осознанное отношение к понятию «цивилизация», а апеллирует к работе С. Хантингтона (2003).

¹³ В связи с творчеством неплохо было бы вспомнить, что христианство и ислам зародились в рамках общин последователей пророков.

¹⁴ Общинный тип организации прослеживается и в деятельности криминальных сообществ (Костяева 1997).

Альтернативные СКЦ

Исследование альтернативных путей социальной эволюции приобрело масштаб научного проекта (Крадин и др. 2000). В этот проект вовлекается все, что не совпадает с априорными установками. В данном случае я критикую не установки, а подход, согласно которому «вариативность» иногда воспринимается как «альтернативность», предполагающая выбор из *равнозначных* вариантов. Но, несомненно, альтернативных эволюционных «проектов» было множество, и наиболее ясный для меня лежит в русле развития «гомеостатических обществ». Так, очень похоже, что папуасы-арапеша (Даймонд 2008; Мид 1988), а также обитатели циркумполярной зоны (Крупник 1989) развивали потенции, заложенные в ОСКЦ, а, например, аборигены Австралии совершенствовали племенной способ организации. При этом в двух первых случаях можно говорить о производящем хозяйстве, а применительно к австралийцам – о присваивающем. А. В. Коротаяев (1997) описал интересный период древней истории Йемена, когда государственность то проявлялась, то исчезала. Подобных альтернатив (вариантов) может быть множество.

Хотя в настоящее время ПСКЦ доминируют, «альтернативные» СКЦ во многих регионах планеты остаются нормой социальной жизни, конкурируя с государственностью. Речь в первую очередь идет об Африке южнее Сахары и о ряде стран Азии. Например, в Афганистане развившийся племенной строй является альтернативой государству. В литературе эта ситуация обозначена как «трайбализм» (Меликсетова 1985; Кадыров 2003; Пале 2012), который выступает в качестве конфликтогенного фактора (Воскресенский 2008). В этих случаях «альтернативность» более очевидна, чем в примерах из древности.

«Неполные» или, наоборот, «сложные» СКЦ

Жизнь многообразна, и некоторые СКЦ утратили часть выделенных выше признаков. Речь идет прежде всего о классических народах диаспоры – цыганах и евреях. Эти группы утратили такой элемент целостности, как природная ниша обитания: «средой» для них стали другие СКЦ. Многие иные группы утратили целостность воспроизводственного процесса и воспроизводятся в рамках других («сложных») целостностей. Сейчас они – объекты политики автономии и субъекты различных форм федерации. Нередко в группах

наличествует стремление возродить все атрибуты СКЦ (сепаратизм, сецессия и т. д.), что ведет к политическому конфликту (Попов 2012). В результате могут возникать трагические коллизии.

В целом можно сказать, что становление и развитие СКЦ, взаимодействие между ними задают содержание того процесса, который мы называем всемирной историей.

* * *

Было бы неверным думать, что процесс социальной эволюции начался с появлением биологического вида неоантропов. Он начался на сотни миллионов лет раньше: объединение одноклеточных организмов в многоклеточные, наличие в клетках органелл, многоклеточные колонии таких организмов, как полипы. Одной из вершин инстинктивно-социального процесса можно считать возникновение таких насекомых, как муравьи, термиты, пчелы и т. д. Применительно к ним метафора Спенсера о социальном организме приобретает все черты реальности. Лишь постепенно социальность, детерминированная биологической логикой, стала дополняться социальностью, основанной на культуре и обучении. Первичные социальные институты (социальные границы; материальное и духовное воспроизводство; семейно-брачные обычаи; власть) скрепляли первичные протосоциумы, делали их целостностями, были тем самым «гермом», который лег в основу социальной эволюции.

Постоянное обращение к проблемам социальной эволюции связано не столько со стремлением лучше понять прошлое человечества, сколько с прогностической задачей. Единственная комплексная и наиболее интеллектуально насыщенная эволюционная концепция – марксистская модель смены общественно-экономических формаций – оказалась недостаточно продуктивной, подвергается все большим сомнениям, и возникает интеллектуальный вакуум в условиях, когда потребна хотя бы минимальная определенность. Что касается развивающихся уже более ста лет «наук-методологий» типа нынешней синергетики, то при всем их гигантском потенциале они пока формулируют лишь наиболее общие квазизаконь, которыми трудно руководствоваться на практике и в составлении прогнозов.

Автор этой статьи в настоящее время работает над тем, чтобы выявить хотя бы смутные контуры будущего и некоторые весьма общие проблемы, которые могут возникнуть в вероятностных прогнозах.

Литература

- Аверкиева, Ю. П.** 1979. *История теоретической мысли в американской этнографии*. М.: Наука.
- Алаев, Л. Б.** 2000. *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.: Вост. лит-ра.
- Алексеева, Т. И.** 1986. *Адаптивные процессы в популяциях человека*. М.: МГУ.
- Андерсон, Б.** 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и возникновении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Анрианов, Б. В.** 1985. *Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование)*. М.: Наука.
- Барт, Ф. (ред.)**. 2006. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. М.: Новое изд-во.
- Ваганов, А.** 2008. Очень кушать хочется! Экологический императив никогда не был и не будет близок человеку. *НГ-наука*. 22 октября.
- Вальденфельс, Б.** 1999. *Мотив чужого: сб. / пер. с нем.* Минск: Пропилеи.
- Вельков, В. В.** 2004. По ту сторону эволюции. *Человек 2*: 23–30.
- Воскресенский, А. Д. (ред.)**. 2008. *Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные*. М.: Аспект Пресс.
- Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротяев, А. В.** 2009. *Макроэволюция в живой природе и обществе*. М.: URSS.
- Гумилев, Л. Н.** 1990. *География этноса в исторический период*. Л.: Наука.
- Даймонд, Дж.** 2008. *Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают*. М.: АСТ.
- Дерлугьян, Г.** 2009. Кризисы неизбежны – как с этим бороться. *Эксперт 1*: 94–97.
- Джохансон, Д., Иди, М.** 1984. *Люси. Истоки рода человеческого*. М.: Мир.
- Долуханов, П. М.** 1979. *География каменного века*. М.: Наука.
- Евтеев, С. А., Перелет, Р. А. (ред.)**. 1989. *Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР)*. М.: Прогресс.
- Зубов, А. А.**
2011. *Становление и первоначальное расселение рода «Ното»*. СПб.: Алетейа.
2012. *Колумбы каменного века. Как заселялась наша планета*. М.: АСТ-Пресс Книга.
- Кадыров, Ш.** 2003. *«Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане*. М.: ЦЦРИ РАН.

- Каневский, Л.** 1998. *Каннибализм*. М.: Крон-Пресс.
- Капица, С. П.**
1999. *Общая теория роста человечества. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле*. М.: Наука.
2009. *Гиперболический путь человечества. Через демографическую революцию к обществам знаний*. М.: ТОНЧУ.
- Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П.** 1994. *Законы эволюции и самоорганизации сложных систем*. М.: Наука.
- Козер, Л.** 2000. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
- Коротчаев, А. В.** 1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.: Вост. лит-ра.
- Костяева, А. С.** 1997. *Криминальные братства Тайваня (50–80-е годы XX в.)*. М.: ИВ РАН.
- Крадин, Н. Н., Коротчаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.)**. 2000. *Альтернативные пути к цивилизации: колл. монография*. М.: Логос.
- Кропоткин, П. А.** 2007. *Взаимопомощь как фактор эволюции*. М.: Самообразование.
- Крупник, И. И.** 1989. *Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии*. М.: Наука.
- Кульпин-Губайдуллин, Э. С.** 2008. *Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России*. М.: ЛКИ.
- Кушнер (Кнышев), П. И.** 1951. *Этническая территория и этнические границы*. М.: Изд-во АН СССР.
- Левитина, Т. П., Левитин, М. Г.** 2002. *Общая биология. Словарь понятий и терминов*. СПб.: Паритет.
- Летурно, Ш.** 2007. *Социология по данным этнографии*. М.: URSS.
- Лоренц, К.** 1998. *Оборотная сторона зеркала*. М.: Республика.
- Марков, А.**
2011. *Эволюция человека. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены*. М.: Астрель; CORPUS.
2012. *Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы*. М.: Астрель; CORPUS.
- Медоуз, Д. Х., Медоуз, Д. Л., Рэндерс, Й., Беренс III, В. В.** 1991. *Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества»*. М.: МГУ.
- Меликсетова, И. М.** 1985. *Трибализм и государственность (этносоциальные и социально-политические процессы в Папуа – Новой Гвинее в 60–80-е годы XX в.)*. М.: Наука.

Мид, М. 1988. *Культура и мир детства: Избранные произведения*. М.: ГРВЛ.

Млодинов, Л. 2012. *(Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением*. М.: Livebook.

Морган, Л. Г. 1934. *Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР.

Мчедлов, М. П. (отв. ред.). 2001. *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь*. М.: Республика.

Назаретян, А. П.

2008. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М.: URSS.

2013. *Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования*. М.: МБА.

Непомнящий, Н. Н. 2005. *Остров Пасхи*. М.: Вече.

Новосельцев, В. Н. 1989. *Организм в мире техники: Кибернетический аспект*. М.: Наука.

Пале, С. Е. 2012. *Этнополитические конфликты в странах Океании*. М.: ИВ РАН.

Парсонс, Т.

1997. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.

2002. *О структуре социального действия*. М.: Академический проект.

Пашинский, В. М. 2011. *Пространственно-временная динамика человеческих сообществ разного масштаба*. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Перепелкин, Л. С.

1999. Проблема социальных границ в системе социального знания. В: Шукуров, Р. М. (ред.), *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья*. М.: Алетея.

2009. Социальная эволюция как аспект изучения общества. *Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук*. Вып. 4. М.: ИФ РАН, с. 360–367.

2011. Проблема границ в социально-гуманитарных исследованиях. *Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук* 4: 202–219.

2012. Личностное знание как специфический феномен культуры. *Вопросы социальной теории: научный альманах*. Т. VI. М.: ИФ РАН, с. 195–213.

Переслегин, С. Б. 2007. *Самоучитель игры на мировой шахматной доске*. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.

Першиц, А. И., Хазанов, А. М. (ред.). 1978. *Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов)*. М.: Наука.

Пирс, Дж. 1967. *Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации*. М.: Мир.

Плюснин, Ю. М. 1990. *Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ*. Новосибирск: Наука.

Попов, Ф. А. 2012. *География сецессионизма в современном мире*. М.: Новый хронограф.

Ратцель, Ф. 1901. *Человечество как жизненное явление на Земле*. М.: Книжное дело.

Ридли, М. 2008. *Геном. Автобиография вида в 23 главах*. М.: Эксмо.

Саид, Э. В. 2006. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мир.

Спенсер, Г. 1999. *Опыты научные, политические и философские*. Минск: Современный литератор.

Спенсер, У. 2013. *Генетическая одиссея человечества*. М.: Альпина нон-фикшн.

Сусоколов, А. А. 1987. *Межнациональные браки в СССР*. М.: Мысль.

Тённис, Ф. 2002. *Общество и общность. Основные понятия чистой социологии*. СПб.: Владимир Даль.

Тинберген, Н. 1993. *Социальное поведение животных*. М.: Мир.

Турчин, П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: URSS.

Уайт, Л.-мл. 1990. *Исторические корни нашего экологического кризиса*. В: Василенко, Л. И., Ермолаева, В. В. (сост.), *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности*. М.: Прогресс.

Хантингтон, С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Хартог, Л. 2008. *Чингисхан. Завоеватель мира*. М.: Астрель; Владимир: ВКТ.

Шипилов, А. В. 2008. *«Свои», «чужие» и другие*. М.: Прогресс-Традиция.

Штайншаден, Я. 2011. *Социальная сеть. Феномен Facebook*. СПб.: Питер.

Энгельгардт, М. А. 2006. *Прогресс как эволюция жестокости*. Минск: Беларуская Энцыклапедыя.

Эфроимсон, В. П. 1995. *Генетика этики и эстетики*. СПб.: Талисман.

Эшби, У. Р. 1962. *Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения*. М.: Изд-во иностр. лит-ры.